логии. Конкретно-историческое изучение литературы прошлого не есть сведéние ее только к интересам и волнениям этого прошлого, а есть понимание ее в перспективе исторического движения этого прошлого, и от него — к настоящему, к нам, и в будущее,— в плане формулы Лейбница, так глубоко усвоенной Радищевым: le présent est gros de l'avenir — настоящее беременно будущим. С другой стороны это не значит, что мы должны изучать только лишь революционные течения русской общественной мысли прошлого, а не всю совокупность борьбы.

Если я полагаю, что не надо останавливаться на утверждении, что Сумароков хвалил Панина и осуждал Орлова, и думать, что тем самым историческое место Сумарокова указано, если я полагаю, что историческая роль Сумарокова более глубока, — то я думаю, тем не менее, что крайне необходимо знать о том, что Сумароков хвалил Панина и осуждал Орлова; без этого знания мы не поймем прямого смысла стихов Сумарокова; не поймем, конечно, и более глубокого значения его творчества. А для всего этого надо знать и понимать историю.

И прежде всего надо изучать классиков марксизма.

Всякому историку русской литературы XVIII века хорошо известно огромное количество произведений этого столетия, посвященных «подьяческой» теме. На продолжении пятидесяти лет писатели разных поколений, разных социально-политических ориентаций, разных стилей нападают с ожесточением на бюрократию: здесь и Сумароков, смертельный враг «подьячих», и Херасков, и Новиков, и Фонвизин, и Капнист, и Крылов, и Радищев, и многие другие. Но нет среди этих писателей Карамзина, нет В. Петрова, нет еще раньше Екатерины II, журнал которой «Всякая Всячина» взял даже под свою защиту обижаемых писателями подьячих. Мы видим, что в единой борьбе против бюрократии как бы образовался единый фронт всех прогрессивных сил литературы. И как хорошо мы поймем это, если усвоим достаточно глубоко ленинские положения о характере русской монархии в XVIII веке. В статье «Наши упразднители» (1911 г.) Ленин писал:

«Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII в. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии» (Соч., т. XV, стр. 83). Ленин характеризует тот же процесс и в статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции» (1909): «. . .Русское самодержавие XVII в.— с боярской думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами „просвещенного абсолютизма“ и от обоих